

Томский государственный университет
Российский фонд фундаментальных исследований

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
И ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей
по материалам Всероссийской научной конференции,
проведенной философским факультетом
Томского государственной университета
25-26 мая 1999 г.

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1999

Раздел 1

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОГО МИРА. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

М. П. ЗАВЬЯЛОВА

Основные направления фундаментализации социогуманитарного знания

Традиционно проблема фундаментализации научного знания рассматривалась в отечественной литературе на материале естествознания.

Под фундаментальным (в отличие от прикладного) понималось, как правило, знание, раскрывающее глубинные законы изучаемой предметной области. Признаками такого знания считались сугубо гносеологические: высокая степень теоретизации, математизации, формализации, преимущественность гипотетико-аксиоматического метода, высокая степень обобщения, и на базе всего этого — практичность, т. е. степень применимости для технических, прикладных областей.

В отношении гуманитарных наук в соответствии с общепринятым классическим идеалом научности могла речь идти лишь о некоторой степени фундаментальности в силу ограничения вышеназванных признаков при их проявлении в характере и природе социогуманитарного знания (неустранимость установки на уникальное, индивидуальное наряду с задачами обобщения, экзистенциальный момент, ведущая роль понимания и т. п.).

Опираясь на результаты исследования природы данной области наук, принимая при этом во внимание направленность эволюции их обоснования, которая ведется на протяжении полутора века в западной и отечественной философии,

можно заключить, что гносеологический аспект, в свете которого преимущественно раскрывалась фундаментальность научного знания, является всего лишь частным случаем более глубокого подхода, которым выступает онтологический подход. Последний приобретает ведущее значение в результате коренных содержательных преобразований в философии XX века, возвращая ее к проблеме Бытия как действительно фундаментально-философской. Произшедший онтологический «поворот» традиционной гносеологической проблематики во многом стал возможен благодаря настойчивым поискам фундирующих оснований системы социогуманитарного знания. В процессе этих поисков был выдвинут ряд моделей обоснования, каждой из которых соответствует определенная онтологическая конструкция, по-своему раскрывающая изначальные слои реальности, задающие фундаментальный характер научного знания. В работе такого рода по-новому встречается наука и философия, обоюдно обновляя свой характер и содержание. Философия, направляя свое внимание в сторону «мира культуры» или «предметного мира человека», т.е. того мира, который впервые возникает благодаря человеку, приобретает антропологический и герменевтический образ. При этом философия теряет прямую указательную силу фундамента, «корня» науки и становится ее способом работы. В свою очередь научное знание становится рефлексивным по характеру, перенимая философский метод. Делая его своим, наука начинает «мыслить», а не только познавать, исследовать. Эта мыслительно-рефлексивная составляющая метода гуманитарных наук выходит на передний план, преодолевая крайности «гносеологизма» не только в данной сфере познания, но и делаясь ведущей компонентой всякого научного метода, что в конечном счете способствует гуманитаризации (онтологизации, более глубокой фундаментализации) науки в целом.

Ориентация на поиск глубинных оснований системы гуманитарных наук неожиданным образом позволяет раскрывать такие пласты реальности, которые в силу своей «изначальности» могут служить фундирующей основой науки в целом, поскольку гуманитарность становится ее всеобщим признаком. В данном контексте гуманитарность и фундаментальность взаимопредполагают друг друга.

Выявление базисных условий человеческого существования идет по разным направлениям. В истории западной философии второй половины XIX века и в XX веке можно выделить по меньшей мере две основные стратегии построения онтологий, раскрывающих основополагающие пласты реальности. В первом приближении обозначим их как — а) «субъектцентристскую» и б) «культурцентристскую» или «универсалистскую».

«Субъектцентристская» стратегия сформировалась на базе философской программы экзистенциализации (от Кьеркегора до Хайдеггера) с ее ориентацией на человеческую индивидуальность, человеческую личность как суверенного субъекта, представшего как центр собственного человеческого мира. Особенно показательна здесь «фундаментальная онтология» М. Хайдеггера, которую сам он называл и «антропологией». Фундаментальной она является не только потому,

что явилась основой построения множества частных онтологий, фундаментальность здесь состоит именно в обращенности к человеку, суверенной личности, выступающей субъектом культуры как ее *Causa sui*.

В концепции бытия, изложенной в книге «Бытие и время», человек как индивид (в определенном его аспекте, выраженном в понятии *Dasein*, является отправной точкой всего построения. Поэтому на место категорий прежних онтологий в онтологии Хайдеггера поставлены экзистенциалы. Базисной структурой *Dasein* объявлена «забота» (как единство «возможности быть», «фактичности» и «угрозы растворения в безличности»).

Однако в самом творчестве Хайдеггера можно усмотреть признаки сомнения в том, так ли уж фундаментальна та онтология, которую он разрабатывал. Но речь теперь идет, конечно же, не о том таинственном и все же познаваемом (пусть относительно и бесконечно) фундаменте мироздания, которому мы, как живые существа, обязаны своим существованием — будь это Бог — творец Вселенной, или вечная материя, из которой все состоит.

Если сосредоточить внимание, то можно заметить, что в различных частях того строения, которое воздвигал Хайдеггер, проступают контуры некоего иного «фундамента» — то ли более глубокого, то ли альтернативного, но способного стать базой иной онтологии, чем фундаментальная онтология субъективности. Эти контуры, например, проступают в теме «угрозы» со стороны «Ничто» или со стороны «Ман», всегда готовых поглотить хлипкий островок личностного бытия; их можно обнаружить в самом «доме бытия» — языке; ведь даже великим поэтам не были чужды языковые штампы. Но, впрочем, философское открытие этой более глубокой, более фундаментальной реальности, не заслуга Хайдеггера.

Истоки другой стратегии фундаментализации, которую мы обозначили как «культурцентристскую», трудно связать с творчеством какого-то отдельного исследователя. Справедливо будет назвать лишь наиболее ярких мыслителей. Хронологически первым (или, говоря осторожнее, одним из первых) был К.Маркс, с его трактовкой отчуждения, его концепцией «ложного сознания» и с его определением «сущности человека» как «совокупности всех общественных отношений». Далее последовали З.Фрейд, основатель классического психоанализа, создавший концепцию подсознания; основоположник структурной лингвистики Ф. де Соссюр (хотя справедливо было бы упомянуть рядом с его именем также имена Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона). А за ними выстраивается уже целая когорта других мыслителей, таких как К.Юнг, Г.Маркузе, Э.Фромм, Р.Барт, Ж.Лакан, Ж.Деррида, Ю.Кристева, М.Фуко, Ж.Делез, Ж.Бодрийяр и др. В результате их исследований выявляется ограниченность фундаментальной онтологии Хайдеггера с пониманием того, что ее правильнее было бы называть (как это, кстати, делал и сам Хайдеггер) «аналитикой *Dasein*», позади которой открывается горизонт новых онтологических исследований.

Усилия перечисленных выше мыслителей, начиная с Маркса и Фрейда, дали более обнадеживающие результаты, но зато привели к выводу о необходимости

радикального отказа от гуманистической антропологической философской программы, поскольку существование суверенного человеческого Я было поставлено под вопрос. Представляется, что наиболее далеко по этому пути продвинулись некоторые философы «постмодернизма» — М.Фуко в «Археологии знания», Ж.Делез в «Логике смысла» и Ж.Бодрийяр в «Логике вещей». Следуя по пути, проложенному, прежде всего структуралистами, им удалось нащупать нечто в том ужасном «ничто», в той «пустоте», в которую грозит провалиться человеческий мир, мир культуры. Их построения основываются на разрушении базисных онтологических оппозиций традиционного рационализма, например такой, как оппозиция идеального (как совершенного, и потому всеобщего, единого, неизменного, вневременного) и реального (как несовершенного, и потому особенного, множественного, изменчивого, временного). Устранение этой базисной онтологической оппозиции означало рождение нового, многозначного рационализма и новой онтологии, в которой Бытие и Ничто как теоретические понятия не столько противоположны, сколько соотносительны, коррелятивны друг к другу, или же «дополнительны» в Боровском смысле. В их онтологии отсутствует жесткое расчленение формы и содержания, теории и жизни, мысли и действия, виртуального и реального, симулятивного и действительного и т.п.

Понять теоретическую программу постмодернизма нелегко: она перегружена специальной терминологией и неологизмами, ей присущи и специфическая психология отстраненности от естественной установки сознания, снобизм, ирония и труднопередаваемое стремление уравнивать в правах и ценности любые мировоззрения и продукты культуры — научные и антинаучные, религиозные и светские, искренние и симулированные, правдивые и ложные, человеческие и бесчеловечные, реальные и нереальные. Пожалуй, единственной реальностью остается реальность дискурса (среди множества значений Р.Барт выделяет такие: язык в действии; высказывание, большее, чем фраза и образующее смысловое целое; тип речи, навязывающее определенное отношение к ее содержанию) и его модификации: язык культуры, его символика, смыслы, значения, пласты и т.д. Природа как она есть или реальное положение вещей становятся бессмысленными выражениями, все становится весьма зыбким, неопределенным, неустойчивым, преходящим. Сам человек превращается в нечто проблематичное или в «машину желаний», систему симуляций или подавленный («зарепрессированный») комплекс, либо, наконец, в шизоидное существо.

Несмотря на свою экстравагантность, постмодернизм — серьезный симптом самочувствия человека постиндустриального, потребительского, информационно-кибернетического общества, продуцирующего не только высокие технологии, прогресс науки и человеческих возможностей, но и новые формы иррационализма, фобий, несправедливости и насилия.

Децентрированный человек культуры постмодернизма занимается непрерывным конструированием и деконструкцией собственного Я в соответствии с локальными нарративами как языковыми коррелятами действительности. Субъект

рассматривается философами постмодерна как социальная конструкция. «Сам по себе» он не только не обладает никакой «сущностью», но даже сколько-нибудь четко фиксируемым набором характеристик. Единственным «безусловным», способным обеспечить процесс порождения мира культуры как процесс порождения языковой реальности, является «смысл». Он не обладает ни физическим, ни ментальным существованием, но сам является необходимым условием любого существования, обладает «генетической силой», поддерживающей существование того, что уже возникло и зафиксировано в языке. «Задача сегодняшнего дня в том, — пишет Делез, — чтобы заставить пустое место циркулировать, а доиндустриальные и безличные сингулярности заставить говорить, — короче, чтобы производить смысл» [1. 97].

Таким образом, в исследованиях представителей «культурцентристского» направления содержится попытка преодоления кризиса «субъектцентристской» индивидуалистической установки, долгое время господствующей в западной философской и социально-политической мысли, на пути «нового синтеза», создания универсальной концепции бытия, или, может быть, точнее, онтологии культуры, в которой оказываются совмещенными достижения ряда предшествующих школ. Представляется, что создание такой онтологии станет существенным шагом в нахождении единой фундирующей основы для всей системы наук — социогуманитарных и естественных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.

В. И. КРАСИКОВ

Социальная метафизика: антропологическая история как оппозиция солидарности и персонализации

Философия, являясь концептуальной рефлексией, постижением предельных значений человеческого существования, находит их и в «метачастях» других дисциплин, взаимодействуя с ними и образуя симбиотическое целое. Что же интересуется философия в таком феномене, как «общество», в отличие от собственно обществоведческих дисциплин? В каком качестве значения «общества» могут входить в сферу философского постижения? Речь идет о строгом ограничении компетенции философии в рассмотрении общества — как во избежание дублирования обществоведческих исследований, так и в целях сохранения качественно-рефлексивного профиля философии. Подобные ограничения ориентируют